

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

К 25-летию
ТЕАТРА ИМЕНИ
М. ДЖАЛИЛЯ

Оба они работают в театре имени Мусы Джалиля. Их комнаты, заполненные эскизами декораций, макетами, рисунками, находятся рядом. Оба заняты до предела. Но коллеги находят время зайти друг к другу, посмотреть новый эскиз, поделиться впечатлениями.

Один из них трудится почти 55 лет, другой — около двадцати. Ученик и учитель. Но любовь к искусству, к театру у них одинакова.

Свою творческую деятельность Петр Тихонович Сперанский начал накануне Великой Октябрьской революции; Анвар Хасанович Нагаев сел на студенческую скамью после Великой Отечественной войны.

Сперанский, воспитанный выдающимися русскими мастерами П. Бенюкова и Н. Фешина, не мог не отразить в своем творчестве эпоху борьбы за социалистическое государство. В этом отношении характерны его эскизы к спектаклю Татарского Академического театра «Разлом» (1928 г.). После долгих и упорных поисков художник остановился на круге, в котором вмещался и корабль и интерьерные картины. Нос корабля выходил прямо в зрительный зал, в центре стояла башня с пушками. Счастливое сочетание архитектора и живописца позволили Сперанскому создать на небольшой площадке монументальное произведение декоративного искусства. В финале спектакля корабельные пушки поднимались и разворачивались, как бы символизируя этим победу революции.

Анвар Нагаев передал грозное дыхание Великой Отечественной войны в оформлении оперы Н. Жиганова «Джалиль». Черный бархат, резкие очертания моабитской тюрьмы, концлагеря и лишь две-три живописные картины, как, например, плающая в огне деревня, — все это помогло полнее понять глубоко эмоциональную музыку оперы,

оценить ту суровую обстановку, в которой оказался поэт-герой. Черный бархат А. Нагаев использовал и в оформлении оперы А. Ключарева и С. Сайдашева «Наемщик» и в балете Н. Метнера «Ожившая легенда». Здесь автор декораций стремился исходить из живописных принципов художников Палеха. Старейший педагог Сперанский, воспитавший и более двухсот художников, одобрительно отнесся к творчеству А. Нагаева. Анвар Хасанович ищет свой путь. Это, пожалуй, и правильно. Плох тот ученик, если он только подражает своему учителю.

Относительно применения черного бархата П. Т. Сперанский придерживается иной точки зрения. Он считает, что красочная живописная музыка требует красочных живописных декораций. Петр Тихонович показал несколько своих работ к опере Глинки «Иван Сусанин» и к балету Яруллина «Шурале».

В эскизах к «Ивану Сусанину» нас поражает широта художественного замысла. Красота русской природы передана декоратором при помощи тончайших живописных деталей. Мягкий лиризм пейзажа сочетается с величием архитектуры. Эта гармония помогает донести до зрителя героический пафос оперы, глубокую человечность главных героев.

...Утро. Первые, золотистые лучи солнца освещают деревья, отраженные в тихой глади реки. Мирное село дышит спокойствием, так же как и обстановка в избе Ивана Сусанина.

Резко контрастно показана жизнь воинственных поляков. Интерьер польского старинного замка выполнен в готическом стиле. Статуи рыцарей как бы повествуют о былом величии польского королевства. На фоне мрачной готики резко выделяется роскошь, в которой живут потомки старинных рыцарей. Бал в польском замке умышленно решен художником в крикливых тонах.

Пестрота и пышность обстановки говорят о чванстве шляхты.

Художник достигает огромной выразительности и в передаче картин холодной русской зимы.

...В глухом лесу, запыленном снегом, притаился монастырский посад. Здесь все тихо. Лишь маленькая лампадка над воротами напоминает о признаках жизни. Лампадка — деталь. Но она выполняет важную функцию. Через нее художник передает безграничное спокойствие, которым обята посадская обитель. Но вот музыка начинает звучать тревожной. На чеку и художник. На белом снегу появляются беспокойные тени, темное небо озаряется факелами. Все приходит в движение...

Следующая картина — непроходимый дремучий лес. Тяжелые пласты снега повисли на ветвях сосен. В это гиблое место приводит Сусанин своих врагов.

В апофеозе спектакля мы видим величественные стены Кремля, золотые купола храма Василия Блаженного, ликующий народ в ярких нарядах. Величавый победный гимн «Слався» органически сливается с торжественной пурпурно-белой гаммой площади.

Лишь глубоко проникнув в сущность музыкальной драматургии, художник мог дать такое блестящее ее решение.

А вот как решена картина к балету «Шурале».

Дремучий лес. Сквозь густую листву вековых деревьев, окутанных синевой дымкой, виднеется утреннее небо. Могучий дуб с огромным дуплом широко раскинул свои кривые ветви и почти закрыл ими озеро. Здесь все таинственно и загадочно. Кажется, вот-вот появится сказочное чудовище, и лес зашумит, приветствуя своего властелина.

— В эскизах к балету «Шурале», — говорит Петр Тихонович, — мне хотелось воспроизвести через фантастические образы все те тем-

ные силы, с которыми борется человек и над которыми он одерживает победу...

А. Нагаев показал десятки эскизов к разным спектаклям. Как разнообразен художник в своих поисках!

Мягкой лирикой овеяны пейзажи Венеции к спектаклю «Я помню чудное мгновенье»... Небо и вода — изумительной голубизны. В воде, сверкая своей белизной, отражаются красивые дворцы и дома. И кажется, что здесь все создано для безмятежной любви и счастья.

Но вот другой эскиз: бегущие по небу вранье тучи. Разбушевавшийся ветер резко гнет ветви могучего дуба. Огнем и дымом объята юрты. Все горит. Так образно и темпераментно передает художник нашествие врага в балете А. Ключарева «Горная быль». А какие удивительные фантастические пейзажи видим мы в эскизах к балету З. Хабибуллина.

Сказочное царство Берендея, с его похожими на медовые пряники домами, с изумительно живой природой и ярким солнцем раскрыв некогда перед нами Сперанский в своем оформлении к опере Римского-Корсакова «Снегурочка». По этому же принципу шел и Нагаев. Но в отличие от Сперанского, Нагаев вложил в оформление национальный колорит. Детали, орнамент и другие особенности придали декорациям то своеобразие, без которого трудно было бы понять простоту и красочность музыки балета «Раушан».

Каждый новый спектакль для П. Т. Сперанского и А. Х. Нагаева — это своеобразный экзамен друг перед другом. Оба художника помогают друг другу советами, пожеланиями и, конечно, замечаниями. Их творчество всегда приковывает к себе пристальное внимание и не оставляет никого равнодушным.

Х. КУМЫСНИКОВ.

Кандидат искусствоведческих наук.